

Рощинин Федор Антипович

Из записной книжки доктора
Рассказы и стихотворения

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Антипович Р.**
Из записной книжки доктора: Рассказы и стихотворения / Рощинин Федор Антипович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 247 с.

ISBN 978-5-519-83655-5

ISBN 978-5-519-83655-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНЯГИНЯ ИРА.

Я зналъ княгиню Иру. Это была одна изъ тѣхъ чарующихъ брюнетокъ, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ нашей сѣверной столицѣ.

Снопъ черныхъ, какъ смоль, волосъ, окаймляя высокій лобъ, роскошно покоился на ея маленькой головкѣ; двѣ дуги черныхъ бровей, какъ двѣ змѣйки, стремились другъ къ другу надъ ея слегка орлинымъ носикомъ.

Едва замѣтные черные усики придавали необыкновенную прелесть ея розовымъ, вѣчно улыбающимся губамъ, за которыми красовались бѣленькіе маленькіе зубки; большіе черные глаза умно и пытливо глядѣли изъ своихъ орбитъ.

Природа не поскупилась, давъ ей и высокую, статную фигуру, и тонкій станъ, граціозно изгибавшійся при малѣйшемъ движеніи.

По мнѣ, княгиня Ира была далеко не типъ русской красавицы — она дышала всѣми прелестями юга.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ей было уже за тридцать лѣтъ; не смотря на то, годы не успѣли коснуться ея красоты и молодости.

Всегда веселая, умная, во всѣхъ вопросахъ находчивая, она имѣла много поклонниковъ и большой кругъ знакомства.

Вотъ и теперь, только что вернувшись съ большого раута, она едва успѣла надѣть бѣлый кружевной капотъ и, стоя передъ большимъ зеркаломъ, пристально вглядывалась въ отраженіе собственной фигуры.

Ея роскошное бархатное платье, еще неубранное, лежало на кушеткѣ въ будуарѣ, тутъ же, на маленькомъ столикѣ, небрежно были брошены серьги, кольца и другія брилліантовые украшенія.

Угрюмое лицо красавицы было до нельзя взволновано. Двѣ змѣйки черныхъ бровей рѣзко сдвинулись и глаза сверкали злобой.

— Итакъ, все кончено!.. онъ бросилъ меня!.. бросилъ безъ всякой жалости послѣ столькихъ лѣтъ моей беззавѣтной любви и преданности!..

..... Эта проклятая рыжая баронесса плѣнила его!.. Не понимаю, что онъ могъ найти въ ней хорошаго. Какой-то измозженный яичный желтокъ, покрытый веснушками!

Говоря это, княгиня Ира сдѣлала брезгливую гримасу.

— Да развѣ она любитъ его? — Нѣтъ! Она

не можетъ любить уже отжившаго старика, ей нужны только деньги Малыгина! А онъ? Онъ словно не видитъ всего этого! Для него необходима только новая игрушка и больше ничего!.. Негодѣй! — вырвалось изъ устъ красавицы, — презрѣнный человѣкъ! Онъ отнялъ у меня все, все... и невинность, и молодость, и лучшіе годы моей жизни!.. Я ради него оставила отца и мать, разсталась навсегда съ дѣвичьими грезами о семейной жизни!.. А онъ? что далъ онъ мнѣ взамѣнъ всего этого?.. какую-то жалкую любовь, раздѣленную между мною и цѣлымъ роемъ другихъ женщинъ, точно лопотъ черстваго хлѣба, брошенный скрюгою своей собакѣ!.. Прочь, прочь отсюда, я задохнусь въ этой душной клѣткѣ!.. Здѣсь мнѣ дѣлать больше нечего! Скорѣе, скорѣе уѣхать отсюда! Мнѣ ненавистенъ этотъ домъ, ненавистенъ Малыгинъ и всѣ его подарки!—говоря это, она порывистымъ движеніемъ руки сбросила со стола всѣ брилліантовые украшенія. Дребезжаніе ихъ по полу слилось съ рыданіями несчастной женщины.

Наконецъ, обезсиленная и истерзанная своимъ душевнымъ волненіемъ, княгиня Ира опустилась въ широкое кресло и дума за думою, картина за картиной вихремъ пронеслись въ ея возбужденномъ мозгу.

Ей вспомнился старый родительскій домъ и тѣнистый паркъ въ ихъ полтавскомъ имѣніи,

гдѣ она, Ирочка Бѣльская, окруженная ласками отца и матери, проводила свое безпечное дѣтство.

Затѣмъ скользнуло въ ея памяти время пребыванія въ институтѣ, въ стѣнахъ котораго она была такъ счастлива, такъ обожаема своими подругами за красоту, за постоянную веселость, за тѣ чудныя пѣсни, которыя она имѣла по вечерамъ.

Ея звонкій голосъ, какъ трель соловья, раздавался въ институтскомъ рекреационномъ залѣ.

«Спой еще, милый ангелъ, Ирочка!»—кричали всѣ подруги, прыгая вокругъ нея, и она снова пѣла, и не было конца восторгамъ юныхъ подругъ ея. Такъ незамѣтно и весело протекали многіе годы ея пребыванія въ институтѣ, пока, наконецъ, не насталъ день выпуска!

Она такъ живо помнитъ этотъ день, помнитъ и всю эту толпу подругъ, въ праздничныхъ платьяхъ, стоящихъ въ залѣ полукругомъ; всѣ онѣ, какъ и она, жизнерадостно улыбаются въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго.

Ее вызываютъ первую; ей никто не завидуетъ, всѣ кричатъ: «Ирочка, ступай—тебя зовутъ!»

Она, взволнованная, выходитъ на средину актовaго зала, сердце у нея сильно, сильно бьется, передъ ея глазами исчезло все, она видитъ только привѣтливую улыбку начальницы и дипломъ въ ея рукахъ.

И помнится ей, съ какимъ чувствомъ радости она, послѣ бала и представленія ко Двору, награжденная шифромъ, уѣхала съ родителями въ деревню.

Но скоро прошли всѣ наслажденія скромной сельской идилліи; скучно ей стало въ деревнѣ—ласки отца и матери не могли замѣнить щебетанія веселыхъ подругъ.

А между тѣмъ сколько разнообразныхъ думъ за это время накоплялось въ ея молодой душѣ, но не съ кѣмъ ей было подѣлиться ими. Она одна, какъ призракъ, бродила по тѣнистымъ аллеямъ парка, предаваясь однимъ только розовымъ мечтамъ, пока, наконецъ, не надоѣла ей эта вѣчная погоня за призраками.

Она стала искать въ своей молодой жизни чего-то реальнаго, желая имъ наполнить свою праздную жизнь въ деревнѣ. Она жаждала какихъ-нибудь занятій для себя, но не могла найти ихъ въ окружающей средѣ.

Наконецъ, пришла ей счастливая мысль устроить въ деревнѣ школу для крестьянскихъ дѣтей.

Ира съ радостью бросилась къ родителямъ и сообщила имъ о своей счастливой мысли, но они улыбались ей въ отвѣтъ, считая всѣ эти затѣи одной институтской блажью.

Она, какъ приговоренная къ казни, грустно стояла передъ ними и слезы катились по ея

лицу. «Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?» съ отчаяніемъ на лицѣ спрашивала она ихъ.

— Гуляй, милая, катайся верхомъ и наслаждайся жизнью,—отвѣчали они, глядя ея красивую головку.

— Наслаждаться жизнью, здѣсь, въ деревнѣ, одной?!

— Какъ одной? Ты вѣдь всегда съ нами!

— Да, съ вами, это правда; я васъ люблю, я васъ обожаю, но однимъ этимъ чувствомъ жить нѣтъ возможности. Я хочу занятій, хочу дѣла; позвольте же мнѣ устроить здѣсь школу въ деревнѣ!

— Нѣтъ, милая, этого нельзя!—отвѣчали они.

Но мысль о школѣ глубоко засѣла въ головѣ Иры. Она искала сочувствія своей идеѣ у всѣхъ, даже у сосѣдей, пріѣзжавшихъ къ нимъ. Но, увы, и тѣ, глядя на красавицу Иру, съ улыбкою пожимали плечами, приговаривая: «оставьте всѣ ваши затѣи, Ирина Петровна; какую тамъ еще школу вздумалось вамъ заводить—васъ замужъ пора выдавать!»

«Какой вы вздоръ говорите! обиженно отвѣчала она имъ.

Одинъ только студентъ медикъ, сынъ дьякона, пріѣхавшій на каникулы въ деревню, сочувственно отнесся къ идеямъ Иры Бѣльской. Онъ совѣтовалъ ей подождать съ устройствомъ постоянной школы, а завести сначала воскресную, въ

которой лѣтомъ они могли бы вмѣстѣ учить желающихъ чтенію и письму.

— Расходы небольшіе!—пояснялъ студентъ,—только бы найти намъ помѣщеніе для этого!

— Найдёмъ!—воскликнула Ира,—и, обрадованная, хотѣла сейчасъ же бѣжать къ отцу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пойдите! Ради Бога, подождите... надо все это хорошо обдумать!

И они подолгу обдумывали и вели разговоры о будущей школѣ, объ ихъ занятіяхъ въ ней.

Ира блаженствовала; она все время была въ какомъ-то чаду.

Родители недоумѣвали, увидѣвъ такую перемѣну въ Ирѣ. Но вдругъ, узнавъ объ ея школьныхъ продѣлкахъ со студентомъ, пришли въ негодованіе и просили его больше не появляться у нихъ въ домѣ.

Опять молодая дѣвушка одна, какъ головешка среди поля, горѣла, не будучи въ силахъ своимъ огнемъ зажечь окружающихъ.

Она все время спорила съ отцомъ, на колѣняхъ умоляла мать, но все это было напрасно; они по-прежнему оставались равнодушны къ ея мольбамъ, доказывая бесполезность воскресной школы у нихъ въ деревнѣ.

Ира инстинктивно чувствовала всю неосновательность ихъ отказа, но у нея не хватало ни духа, ни энергіи настоять на своемъ и склонить родителей въ пользу своей идеи.

Послѣ такихъ горячихъ разговоровъ, она, обыкновенно, со слезами на глазахъ, убѣгала по-дальше въ лѣсъ и тамъ, ломая руки, спрашивала себя: «что мнѣ дѣлать? Какой мнѣ найти исходъ въ этой жизни безъ цѣли, безъ труда?»

Въ концѣ концовъ, всѣ эти волненія, вся эта безвыходная борьба съ окружающей средой не могли пройти безъ вреднаго вліянія на ея здоровье.

Розовыя щечки красавицы Иры стали мало-по-малу блѣднѣть, появился кашель, лихорадка; всѣ не на шутку испугались за ея жизнь.

Наконецъ, родители, по совѣту врачей, увезли больную за границу.

Леченіе въ Швальбахѣ и долгое пребываніе въ хорошемъ климатѣ среди высокихъ горъ на берегу Белладжіо благотворно повліяли на воспримчивую и, отъ природы, здоровую натуру молодой дѣвушки.

Она снова воскресла; на блѣдныхъ щечкахъ Иры вновь заигралъ здоровый румянецъ и жизнерадостная улыбка сіяла на ея красивомъ лицѣ.

Почти весь день гуляя по окрестнымъ горамъ и долинамъ и наслаждаясь чудной природой Швейцаріи, она все глубже и глубже вдумывалась въ суть человѣческой жизни.

«Трудъ, трудъ, одинъ лишь трудъ можетъ дать истинное наслажденіе въ жизни», повторяла она и съ какимъ-то умиленіемъ смотрѣла на людей, съ такимъ усиліемъ обрабатывающихъ свои ка-

менистыя горы; она удивлялась имъ, ползающимъ подобно муравьямъ, по утесамъ скалъ съ ведрами на плечахъ для поливки своихъ виноградниковъ.

— Вотъ чего стоитъ этимъ людямъ ихъ насущный хлѣбъ!—думала она, и жажда личной дѣятельности еще сильнѣе проникала въ душу молодой дѣвушки.

Наступила зима.

Старики Бѣльскіе, не видя больше причины опасаться за здоровье дочери, оставили Швейцарію, но изъ боязни, чтобы Ира снова не заболѣла въ деревнѣ, поселились съ нею въ Петербургъ.

Ей помнятся и теперь первые шаги въ колоритъ столичной жизни: балы, театры, маскарады, загородныя поѣздки на тройкахъ—все было къ ея услугамъ.

Всѣ прежнія подруги, новые знакомые, молодые и старые кружились вокругъ нея, какъ земля вокругъ своей оси.

Шагъ за шагомъ, мысль за мыслью, она дошла, наконецъ, до той минуты, когда передъ нею впервые предсталъ Иванъ Михайловичъ Малыгинъ.

Это былъ человѣкъ, избалованный судьбой, очень богатый, отставной гусарь, обладавшій блестящимъ умомъ и изящными манерами. Въ

юные годы онъ даже слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ.

Теперь уже не первой молодости, давно женатъ, но это не мѣшало ему вести прежнюю разгульную жизнь, ухаживая и увлекая молодыхъ женщинъ, изъ которыхъ многія находили даже что-то обаятельное въ его бурной жизни, полной романическими приключеніями.

Понятно, что такой человѣкъ могъ понравиться и Ирѣ Бѣльской; его статная фигура и легкая простѣдъ въ густыхъ каштановыхъ волосахъ вполнѣ отвѣчали институтскимъ идеаламъ молодой дѣвушки.

Она не сразу полюбила Малыгина; сначала всѣ ухаживанія великосвѣтскаго Донъ-Жуана только льстили самолюбію юной красавицы, при видѣ явнаго предпочтенія, оказываемаго ей передъ цѣлою вереницей молодыхъ красивыхъ дамъ.

Всѣ эти дамы не на шутку злились на такой успѣхъ Иры, впервые появившейся въ свѣтъ, а между тѣмъ ихъ злоба лишь подзадаривала молодую дѣвушку. Она на зло всѣмъ соперницамъ продолжала кокетничать съ Малыгинымъ.

Все это длилось довольно долго, пока, наконецъ, въ ней самой не произошла какая-то странная перемѣна; она изъ веселой, рѣзвой дѣвушки, вдругъ, стала задумчивой; образъ Малыгина постоянно преслѣдовалъ ее, сердце ея сильнѣе билось при встрѣчѣ съ нимъ.